

— Ты ведь ясно говорил, что потерь не будет! Как же это понимать!

Среди вечных снегов, на самом краю безлюдной горной тропы, одиноко застыла беседка. Отчаянный, срывающийся на крик женский голос разрывал тишину.

Женщина была облачена в сложное платье глубокого зеленого цвета, шею ее украшали серебряные подвески, а уши — серьги из драгоценных камней. Тяжелая вуаль с цветочной вышивкой скрывала половину лица, но даже по открытой части было ясно — перед нами редкая красавица.

Однако сейчас эта красавица, подобно безумной, вцепилась в меховой воротник стоящего перед ней мужчины, готовая, казалось, пойти на все, лишь бы добиться своего. Волосы мужчины уже тронула седина, взгляд был холодным и отстраненным. Под белоснежной лисьей шкурой, высокий воротник которой наполовину скрывал лицо, он смотрел на женщину с ледяным спокойствием.

— Цюй Луци, приди в себя, — низким голосом произнес он. — Тот, кто вершит великие дела, всегда должен идти на жертвы.

Свернувшаяся на теле женщины тонкая зеленая змея, почуяв неистовую ненависть хозяйки, зашипела, высунув раздвоенный язык, и приподняла голову, готовая в любой момент броситься в атаку. Не скрывая своей ярости, она сквозь зубы, дрожащим от гнева голосом проговорила:

— Ты обещал лишь помочь мне убедить главу ордена, но никогда не говорил, что жертвы будут такими... Чего же ты... во что ты хочешь превратить Фаньсинчжоу?

Мужчина молчал, а спустя долгое время прямо ответил:

— Признаю, некоторые события вышли из-под нашего контроля. Но одно должно быть ясно: в конечном итоге я, как и ты, хочу, чтобы Фаньсинчжоу процветал вечно. Просто мои методы отличаются от твоих.

В глазах женщины полыхнул огонь, но мужчина невозмутимо пригрозил ей:

— Я верну всех взбесившихся лошадей на путь истинный. А до тех пор тебе лучше вести себя смирно. В конце концов, у тебя нет иного выбора, кроме как довериться мне. Разве не так?

Сказав это, он рывком вырвал край мехового воротника из ее цепких пальцев, отчего красавица пошатнулась. Не спеша, он достал из-за пазухи гладкую, сияющую черную жемчужину и холодно бросил ее ей в руки.

Эта жемчужина была одним из артефактов, которые Фаньсинчжоу использовал лишь во время совещаний трех орденов — она была способна записать любые слова и действия. В тот миг,

когда женщина узнала предмет, ее лицо побледнело от ужаса. Дрожащими руками она направила в жемчужину духовную энергию, и из нее зазвучали до боли знакомые, но в то же время чужие слова — ее собственный голос.

Мужчина небрежно спросил:

— Вспомнила? Все то, что было у тебя на душе.

Глаза женщины налились кровью, руки дрожали, тяжелое дыхание сбивалось. Она едва удерживала жемчужину, словно та была раскаленным углем.

Мужчина в белых мехах больше не обращал на нее внимания. Он вышел из беседки и зашагал прочь. Она была не в силах преследовать его и лишь молча смотрела, как белая фигура растворяется в снежной мгле.

На следующее утро Нань Суминь проснулся в жару — то ли лекарство перестало действовать, то ли последствия оказались сильнее, но тело ныло так, будто его наполнили кислотой. Чжу Юэ и Чжу Син с раннего утра привели лекаря. Тот лишь покачал головой: остатки яда демонического зверя все еще не вышли, и в ближайшие дни ни в коем случае нельзя использовать истинную ци. Нань Суминь, который даже не умел собирать энергию, лишь рассеянно кивнул в ответ.

Лекарь наспех поставил несколько игл в точки шэньтин и байхуэй, чтобы притупить боль. Вскоре прибежала Цюй Яньси, как обычно, с букетом свежих цветов форзиции.

Орден Цинсичжу славился своим искусством врачевания и ядами, поэтому девушка в желтом, привыкшая к подобным сценам, невозмутимо помогала лекарю прокалывать иглы над огнем.

— Сквозная рана на левом плече молодого господина нанесена демоническим зверем, — пояснил лекарь. — Этот яд крайне опасен, его можно одолеть только силой собственного организма, а мы можем лишь облегчить страдания.

Головная боль Нань Суминя немного утихла, но из-за того, что голова была утыкана иглами, словно еж, он вынужден был сидеть неподвижно, боясь даже вздохнуть.

Цюй Яньси поменяла увядшие цветы в вазе на свежие и с грустью посмотрела на него:

— Если бы моя бабушка была здесь... В искусстве иглоукалывания ей нет равных во всем мире.

Седовласый лекарь уважительно кивнул:

— Как поживает глава Цюй?

— Бабушка тяжело ранена и все еще находится в затворе внутри барьера Священного древа Цзюцю. Никто в Цинсичжу не может... да и не смеет нарушать ее покой. Даже я не знаю, что там происходит сейчас.

Лекарь посмотрел в сторону Священного древа:

— Отсутствие новостей — уже хорошие новости. У добрых людей своя судьба, госпожа Цюй, не беспокойтесь.

Яньси радостно улыбнулась:

— Благодарю вас.

Чжу Юэ и Цюй Яньси, следуя указаниям лекаря, поддерживали Нань Суминя с двух сторон, не давая ему заснуть, а Чжу Син в соседней комнате разжег печь, чтобы готовить отвар на день.

Чтобы хоть как-то взбодрить Нань Суминя, Цюй Яньси начала рассказывать обо всем, что произошло в Фаньсинчжоу за те три месяца, что он пролежал без сознания. То два ученика вызвали друг друга на дуэль на площади Южного пика, и проигравший поклялся никогда больше не знать победителя... То другой ученик, вознамерившись отправиться странствовать, едва успел украсть жетон на пике Цзяньмэнь, как был пойман наставником и отправлен на колених в зал предков... То сын знатного клана заклинателей положил глаз на старшую ученицу другого ордена и теперь со всей семьей поселился в городке у подножия горы, ежедневно закатывая истерики с требованием выдать ее замуж.

Хотя Нань Суминь не знал никого из этих людей, сплетни помогли ему окончательно проснуться. Слушая их, он невольно подумал: даже в этом мире, полном заклинаний и бессмертных, человеческая жизнь все та же — обиды, расставания, безответная любовь. Ничем не отличается от того мира, откуда он пришел.

Похоже, где есть люди, там всегда есть и свои реки и озера — и везде они устроены одинаково.

Цюй Яньси продолжала: старшая ученица Мо Цюэцюэ из зала Нежного ветра и старший сын клана Оуян, Оуян Сян, давно помолвлены, получили благословение родителей и наставников и в этом месяце сыграют свадьбу. По этому случаю Фаньсинчжоу впервые за долгое время откроет врата, приглашая заклинателей со всех сторон. Мо Цюэцюэ? Не та ли это старшая сестра, что дала имена Чжу Син и Чжу Юэ?

Услышав знакомое имя, Нань Суминь не удержался и спросил:

— В какой день?

— Кажется, через десять дней, — посчитала на пальцах Цюй Яньси.

Нань Суминь прикинул: как молодой господин зала Нежного ветра, он, вероятно, обязан присутствовать. Только вот каковы отношения Мо Цюэцюэ с прежним Нань Чичжи? Нужно ли дарить подарок, и насколько щедрым он должен быть? Придется потом выведать у Цюй Яньси или Ци Сан...

Спустя некоторое время лекарь вернулся, чтобы вынуть иглы. Цюй Яньси что-то вспомнила и достала из сумочки фарфоровый флакончик:

— Кстати, тот тысячелетний женьшень из Павильона речного ветра, что ты мне дал... Я попросила старшую сестру из аптечного корпуса Цинсичжу сделать из него пилюли. Это редкое целебное растение, а с добавлением других трав они должны помочь восстановить силы и ускорить заживление.

Увидев, что лекарь одобрительно кивает, Нань Суминь поблагодарил ее и велел Чжу Юэ убрать лекарство.

Чжу Юэ улыбнулась:

— В эти дни госпожа Цюй немало сил потратила на заботу о старшем брате.

Цюй Яньси хитро прищурилась и легонько хлопнула Нань Суминя по плечу:

— Так что, старший брат, ты должен поправиться к свадьбе сестры Мо Цюэцюэ!

<http://bllate.org/book/19119/1877635>